

УДК 008
ББК Ч 111

Лина Васильевна Разумова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: lina.razumova@mail.ru

Светлана Николаевна Михалёва,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: zoya_mihaleva@mail.ru

Динамический характер процесса социокультурной идентификации

Статья посвящена анализу концептуализации понятий «глобализация» и «идентичность» в современных гуманитарных науках. Определяемая сегодня в терминах «трансформации», «интеграции», «процесса», «межгосударственного диалога» глобализация обнаруживает сложную социальную природу, которая проявляет себя по-разному в экономике, политике, культуре, языке. Глобализация оказывает влияние и на процессы социокультурной идентификации человека и социальной группы. Диверсификация возможностей взаимодействия человека со средой способствуют переосмыслению его значимости в обществе. Как базовая категория мысли «Я» всё чаще категоризируется через призму «Другого», в диалоге с ним. Эта серьёзная психологическая перестройка когнитивной сферы личности имеет сущностное значение для неё и позволяет уйти от упрощенного видения структурных особенностей идентичности. Особое внимание в статье уделяется анализу положений теорий социальной идентичности Тэджфила-Тёрнера и культурной идентичности Ж. Вэнсонно, которые позволяют раскрыть динамический характер процессов самоидентификации личности.

Ключевые слова: глобализация, индивидуализация, идентичность, самоидентификация.

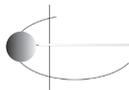
Lina Vasilievna Razumova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: lina.razumova@mail.ru

Svetlana Nikolaevna Mikhaleva,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: zoya_mihaleva@mail.ru

The Dynamic Character of the Socio-cultural Identification Process

The article is devoted to the analysis of the concepts of “globalization” and “identity” in the modern humanities. Defined today in terms of “transformation”, “integration”, “process”, “interstate dialogue” globalization reveals its difficult social nature that manifests itself differently in economics, politics, culture and language. Globalization influences the processes of social and cultural identification of individuals and social groups. Diversification of possibilities for human interacting with the environment promotes reconsideration of its importance in the society. As the base category of thought “I” is more often categorized through the dialogic prism of *the Other*. This serious psychological reorganization of the cognitive sphere of the individual has essential importance and allows getting away from the simplified vision of the structural features of identity. Special attention in the article is paid to the analysis of Tajfel-Turner’s theory of social identity and Z. Venonno’s cultural identity that reveal the dynamic character of the processes of the personality’s self-identification.

Keywords: globalization, individualization, identity, self-identity.

Известно, что в современном мире параллельно развиваются две противоположные, тенденции. С одной стороны мы являемся свидетелями новых интенсивных процессов интеграции стран, формирования глобальных экономических и политических союзов, выстраивания наднациональных институтов управления экономическими, социальными, политическими процессами. С другой стороны, не менее отчетливо проявление обратных процессов: увеличение разнообразия, степени фрагментарности мира, рост национального самосознания и усиление культурной дифференциации народов, возрождение традиционных ценностей. Тенденция к росту однообразия, как отмечает Ю. М. Лотман, сосуществует с тенденцией к росту разнообразия, что характерно для развития любой культуры [13]. Опыт последних десятилетий показывает, что реакция на процессы глобализации на локальном уровне вызывает резонанс на макроуровне (к ним, в частности, относятся политические геоизменения, происходящие на европейском континенте).

В гуманитарных науках глобализация рассматривается как одна из важнейших проблем постиндустриального общества. Глобализация часто мыслится как *глобальная трансформация всех экономических, социальных, политических и культурных структур*. Возникнув в экономике, она распространяется на политику, культуру, язык.

Глобализация в культуре продолжает и дополняет экономическую глобализацию, но вместе с тем имеет существенные особенности. Многие процессы и тенденции принимают в ней более острые формы.

В зарубежной литературе прослеживаются *три точки зрения* на процессы культурной глобализации и коммерциализации.

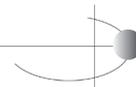
Первая точка зрения исходит из того, что культурная глобализация есть объективно необходимое и позитивное в своей основе явление. Такую позицию отстаивает, например, швейцарский ученый Ж. Молино. Он считает, что существующее в европейских странах беспокойство относительно американской направленности глобализации мира не имеет серьезных оснований. Главную причину беспокойства он видит в том, что европейцам трудно отказаться от привычного для них европоцентризма, что они в течение столетий проводили выгодную для них глобализацию, а когда она изменила своё направление, им трудно с этим смириться [6].

Вторая точка зрения основана на отрицательной, апокалиптической оценке

культурной глобализации. Эта позиция отчетливо представлена в трудах представителей франкфуртской школы в философии Т. Адорно и М. Хоркхаймера [3]. Они первыми открыли феномен культурной индустрии, породившей массовую, коммерческую культуру, именуемую сегодня медийной и постмодернистской. По их мнению, распространение продуктов культурной индустрии ведёт к деградации общества, к непоправимой потере того, что составляет основу подлинности человека и его бытия. Эти идеи нашли продолжение во французском структурализме, постмодернизме, в других течениях современной мысли.

Глобализация как глобальная трансформация всех структур общества ассоциируется в ряде работ отечественных учёных с *идеей кризиса*. Так, отмечается, что «глобализация и глобализм вступили в свою завершающую фазу, означающую кризисное состояние всего человечества, из которого нет выхода на основе традиционного миропонимания и традиционных ценностей» [8]. Индивидуализм, предлагающий новую систему ценностей, чреват раздробленностью ценностей и, в конечном итоге, может привести к их утрате обществом. В этом контексте глобализация как распространение некоей общей системы ценностей, свойственной одной доминирующей культуре, рассматривается как процесс замены и (или) разрушения существующих в конкретных сообществах традиционных ценностных ориентиров, оставляя человека в своеобразном одиночестве [6]. В этом видится главная духовно-нравственная проблема глобализации: современный человек оказывается в условиях *действия двух противоположных сил – глобализации* как «более высокого этапа на пути реализации естественно-исторической тенденции к объединению человечества в условиях промышленной и постпромышленной цивилизации» [11] и *индивидуализации*, являющейся неотъемлемой чертой индивидуального типа культуры. В связи с этим М. Каган отмечает, что «ныне человечество «приговорено к диалогу» [10].

Третья точка зрения, являясь умеренно критической, находится как бы между первой и второй. её основы заложил английский социолог Р. Хогарт, исследовавший в 30-е гг. XX в. процесс приобщения английских рабочих – выходцев из крестьян к городской культуре. Он отмечал, что адаптация к массовой городской культуре не была автоматической и пассивной: рабочие проявляли способность к сопротивлению, уклонению, отклонению от

её стандартов [22]. Во Франции эти идеи развивает историк М. де Серто, который считает, что стратегия, система и язык задаются господствующим экономическим порядком и властью, тогда как речь, выступает как своеобразный уклон пользователей и потребителей культуры от навязываемых сверху жёстких языковых моделей [21].

В рамках синергетического подхода глобализация рассматривается как особый тип социальной самоорганизации [1; 2; 17]. Сюда относят: интеграцию социальных институтов, их деятельности, интеграцию знаний и идеалов, определяющих мотивы этой деятельности, а также интеграцию норм поведения и ценностей. При синергетическом подходе к признакам глобализации относят *всесторонность* (многоаспектность) как тенденцию к интеграции всех сфер социальной жизни (экономической, политической, культурной); *массовость* (демократичность) как тенденцию вовлечения в интеграционные процессы всех социальных слоёв; *планетарность* (глобальность) как тенденцию к распространению интеграционных процессов на всю планету; *спонтанность* (самоорганизацию); *хаотичность*, неупорядоченность интеграционных процессов, наличие в них случайных процессов [2].

Смешанный социальный и природный характер глобальных проблем служит решающим отличительным критерием глобальности. Именно этот признак позволяет отделить глобальные проблемы от многих сугубо социальных.

В качестве негативных следствий процессов глобализации отмечаются усиление противоречий между различными государствами (одним из проявлений которых выступает, в частности, международный терроризм), экономические и экологические проблемы, обострение противостояния между «центром» и «периферией» и ряд других.

В системе глобальных связей современного времени основным субъектом глобализации выступает государство, поскольку именно оно является единственной целостной конкретной формой существования человеческого общества [21, с. 6]. Сегодня глобализация чаще всего представляет собой межгосударственный диалог, осуществляемый в глобальном масштабе. Нередко это вынужденный диалог. Специфика данного диалога в том, что индивидуальный тип культуры в своем стремлении к самобытности противостоит глобализации: естественное стремление к единству [11] порождает вы-

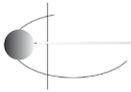
нужденный диалог, в котором «непохожесть» ещё более усиливается, поскольку «ни один из спорящих не желает отказываться от своих убеждений» [3, с. 98]. В итоге, *стремление к самобытности и глобализация* предстают как два взаимоисключающих и одновременно взаимодополняющих элемента современной культуры. Как считают многие специалисты, оба этих процесса подошли к своей критической точке.

В пространственно-временном отношении *глобальность* реализуется в виде триады: *глобальный – региональный – локальный*.

На региональном и локальном уровнях рассмотренные выше общие тенденции происходящих глобализационных процессов обнаруживают бесконечное многообразие форм.

Понятийный аппарат регионализма чрезвычайно плюралистичен и стремится отразить многочисленные региональные тенденции и образы, конструируемые в рамках современных социально-политических дискурсов. Различия в понимании термина «регион» объясняются, как полагаем, его функциональностью и широким использованием в различных отраслях знания.

Как отмечает А. С. Макарычев, всё богатство концептов регионализма можно условно разделить на целый ряд пересекающихся концептов [14]. К ним автор относит 1) *географические* концепты, которые используются в качестве эвристического инструмента изучения регионов как динамических конструктов; 2) *пространственные* категории, которые применяются для описания процессов, не связанных столь жестко, как ранее, с государственными границами; они призваны описать новые региональные образования, создаваемые на основе политико-экономических, культурных, языковых и иных интересов (Еврозона, страны ШОС, Euregio, франкофония, лузофония и др.); 3) *локальные* концепты, связанные с понятием «место» (*localization, locational approche*) и *используемые для описания миграционных процессов, феноменов диаспоры, этнических отношений, иными словами – процессов, выходящих за пределы определённых территорий*; 4) понятие *«идентичность»*, которое призвано описывать принципы конструирования социальных групп, их состояния «духа», региональные символы и метафоры, создаваемые и инструментализируемые, в большей степени, в политических целях; 5) концепты *границы (border, bordering, trans (de-)bordering*, призван-

ные описать процессы снижения значимости границ под действием транснационализации и глобализации.

Наряду с преимущественно негативной оценкой, которую происходящие явления получают в большинстве современных социальных дискурсов, имеет место и рассмотрение глобализации как *позитивного* явления развития общества. Так, главным глубоким и позитивным смыслом глобализации, по мнению А. Вайнштейна, выступает наличие признаков того, что человек есть не только материал, но и субъект истории, понимаемой как развертывание идеи личности во всем её становлении [5].

Каково же *человеческое измерение глобализации*?

Сама категория «человек» как одна из базовых категорий мысли переживает сегодня, по мнению многих, глубочайший кризис. Концепция человека как рационального субъекта поставлена под сомнение постмодернистским дискурсом. В его рамках человек предстает, прежде всего, как «человек чувствующий», обладающий в большей степени «поэтическим мышлением», а не рациональным. Принцип рациональности выступает в постструктуралистском и постмодернистском дискурсе как некое проявление «империализма рассудка», ограничивающий воображение и работу мысли. В связи с этим рационалистический способ постижения мира, основанный на стремлении во всем найти порядок, смысл и первопричину, отвергается этим литературно-философским течением. Взамен утверждается *примат иррационального, нестабильного, противоречивого, фрагментарного и случайного* [9].

Тема идентичности становится одной из центральных в условиях глобализации, привлекая в настоящее время особое внимание философов, социологов, психологов, политологов, антропологов. З. Бауман отмечает, что идентичность становится своеобразной призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие черты современной жизни. Сама культура начинает оцениваться посредством понятий личностных и групповых различий, креолизации и гибридности, прав человека на собственную идентичность и её общественное утверждение [4].

Всё чаще социокультурный и политический современный дискурсы обращаются к понятию *самотождественности* человека и социальной группы, их *идентичности*, понимаемой как некий конструкт, позволяющий

удерживать от социального, культурного и психического распада все «человеческое», а также соизмерять идентичности друг с другом и с внешними структурами в различных масштабах.

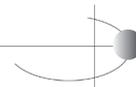
Отметим, что в философии, антропологии, истории понятие самотождественности, идентичности концептуализировалась в отдельные исторические периоды при помощи различных смежных понятий, свидетельствующих о постоянной научной рефлексии, которую вызывала и продолжает вызывать проблема самотождественности индивида и социальной группы. Обратимся к некоторым из них, с тем, чтобы показать не только различную концептуализацию каждого понятия и те новые грани, которые каждое из них «высвечивало» в трактовке философского понятия самотождественности, но и для того, чтобы пояснить, как в ряде случаев, один и тот же термин или понятие эволюционировали со временем, опосредованно указывая на то, каким образом общество усваивало и трансформировало разрабатываемые наукой идеи.

В исторической перспективе одним из первых понятий, имеющих отношение к понятию самотождественности, выступает понятие Инаковости.

Инаковость определяется современной философией как противоположный или противопоставленный элемент в двоичном противоречии Я/Другой. Данное определение страдает, как представляется, излишней обобщенностью, упрощающей сложное внутреннее содержание, которое понятие «инаковость» обнаруживает в исторической перспективе в философии.

Так, Платон пользуется понятием Инаковости для определения «одного, единого» (любой вещи), образуя с ним целое [16]. У Платона Инаковость констатирует единство, но вместе с тем, не является его следствием. Инаковость становится онтологическим условием существования Одного. Это положение имеет существенное значение для определения «Я» (как самотождественности, идентичности, в конечном итоге, личности): Я возникает как отношение с «Ты-другим»; последний утверждает существование «Я». «Иными словами», если изолировать «Я» от «Другого», разрушается «Я», его самотождественность, его бытие.

Николай Кузанский вычленяет следующие качества Единого: Единое не только познается благодаря инаковости, но оно служит для придания «Я» сложности: «... про-

стота Единого допускает приобщение не в простоте, ... а в сложности» [12, с. 45]. Важнейшим следствием такого понимания Единого выступает понимание Единого как сложности. Т. о., Единое и едино, и сложно, и множественно.

Гегелевская Инаковость мыслится как категория единства взаимоисключающих и одновременно взаимоопределяющих противоположностей [7]. Каждый элемент этого множества отличен от других не как следствие констатации различия его качеств, а как следствие признания его бытия, его существования. Иными словами, Инаковость абсолютна и ни один из её элементов не подлежит смещению с другими. Вместе с тем, Инаковость не возможна вне со-общения, со-отношения с другими Инаковостями.

Отметим, что в приведенных выше работах Инаковость интерпретируется в единстве с Одним (Я). Оно содержится в «Я» и образует с «Я» антиномическое единство «Я»/«Другой». Единое мыслится как сложность, каждый элемент которого отличен от другого (других) элементов – «Я» не «Другой», а «Мы» не сводится к нескольким «Я». Инаковость имеет онтологическое значение для «Я»: без Иного (Другого,) Один (Я) не может существовать. Инаковость есть необходимое условие познания себя (Я). И наконец, познание есть процесс со-общения, со-отношения Инаковостей. Инаковость проявляет себя во взаимодействии, в диалоге, в коммуникации с другими инаковостями.

Самотождественность – философская категория, относящаяся как к отдельному индивиду, так и социальной группе.

В XVIII веке категория самотождественности применяется для определения сущностных свойств больших социальных групп. Самотождественность концептуализируется у представителей эпохи Просвещения посредством понятия культуры, понимаемой как «цивилизация». Долг цивилизованных наций перед человечеством, как считали представители эпохи Просвещения, состоит в распространении цивилизации в общества менее цивилизованные. В рамках этого философского подхода Инаковость разделяется от «Я», она находится вне «Я» и иерархически подчинена «Я».

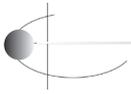
В XIX в. – первой половине XX в. различие начинает восприниматься как угроза, страх перед Другим, Иным (работы Г.-В.-Ф. Гегеля, Ж.-П. Сартра, Ж. Батая и др.). Ассимиляция Другого видится в этот период как эффективный механизм снятия угрозы,

которую несет Инаковость. Иными словами, Инаковость начинает концептуализироваться в западной философии посредством понятия Одинаковое. В конечном итоге, различие отождествляется с разделением.

Отметим, что в философии и культурной антропологии второй половины XX века кардинально меняется концептуализация культуры и Другого. Так, в работах Э. Рош, М. Мид, Р. Линтон и др. культура как коллективная форма неразрывно связана с отдельным человеком. Человек в культуре предстает не как её пациент, испытывающий на себе действие культуры, а как субъект творчески перерабатывающий культуру в процессе своей аккультурации. Понимание культуры как коммуникативной системы позволяет вновь вернуться к диалогичному характеру Я и культуры (Л. С. Выготский, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, К. Ясперс и др.)

В современном контексте глобализации идентичность мыслится как возможность формирования *множественной, глобальной идентичности*. Так, М. Эпштейн предлагает видение некоего нового состояния человека. Глобализация культур, по его мнению, открывает возможность его «транскультурности»; она предполагает «диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них» [24, с. 112]. Транскультура, по мнению М. Эпштейна – это состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам. В позиции М. Эпштейна вызывают серьёзные возражения, используемые им понятия «ассимиляции», «диффузии», «транскультурности», «виртуальности», на анализе которых и остановимся подробнее.

Нельзя не заметить, что в представленной М. Эпштейном концепции ключевым механизмом, способствующим формированию новой транскультурной идентичности, выступает культурная ассимиляция человека. В социальных науках ассимиляция справедливо рассматривается как негативный процесс, процесс утраты членами одной этнической группы своей первоначальной культуры и усвоение ими культуры другой этнической группы. Она основана на политике подавления традиционной культуры и доминирования одной социокультурной группы над другой. Разделяем мнение В. В. Миронова, который отмечает, что идеологии ассимиляции и дискриминации оказались несостоятельными в решении сложных проблем, связанных с культурной, этнической, расовой и религи-

озной разнородностью современных государств. В современных условиях необходим поиск других идеологий [19]. В качестве таких новых идеологий сегодня все чаще называют мультикультурализм. Следует, впрочем, отметить, что мультикультурализм пока ещё не разработал конкретных содержательных положений и политических стратегий своей реализации.

Метафора «диффузии» стала сегодня популярна в связи с, так называемой, «креольской моделью» множественного происхождения и культурного смешения. Воспетая в творчестве Э. Глиссана [цит. по 30, с. 75], она, по его мнению, единственная культурная модель, способная сегодня преодолеть этнокультурную замкнутость современных сообществ. Креольская модель возводит в разряд ценностных характеристик единение народов и культурное смешение, ведущее к формированию множественной идентичности. Представляется однако, что креольская модель – утопична и не способна воплотиться в конкретной этнокультурной политике. Сегодня слабость данной модели заключается в присутствии ей логики детерриториализации, которую сложно на практике связать с конкретной национальной моделью.

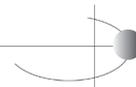
В связи с этим возникает ряд актуальных вопросов: каким образом процессы глобализации влияют на процесс конструирования идентичности? возможна ли и как проявляет себя множественная глобальная идентичность? какое место занимает культура в процессе самоидентификации человека? насколько едина, гибка и изменчива идентичность? и многие другие.

Для того чтобы ответить на эти и другие вопросы, обратимся к некоторым положениям теории социальной идентичности Тэджфила-Тёрнера.

Теория социальной идентичности была разработана Г. Тэджфилом в 70-е годы двадцатого столетия и развита в 80-е Дж. Тёрнером [26; 27]. Она занимает центральное место в зарубежной социальной психологии и привлекается всякий раз, когда речь идет об идентичностях, социальной мобильности, проблемах интеграции и вопросах конфликтологии. Объектом исследования в теории социальной идентичности Г. Тэджфила выступает изучение меж- и внутригрупповых отношений. Отличительной чертой этой теории выступает её стремление уйти от сугубо «индивидуалистских» теорий, строящихся, в большинстве случаев, на объяснении меж- и внутри-групповых отношений, исходя

исключительно из индивидуальных психических процессов. Г. Тэджфил не приемлет и слишком акцентированные социальные теории, например, теорию Адорно [23], объясняющие все групповые отношения исключительно социальными факторами, оставляя в тени личность конкретного человека. Иными словами, Г. Тэджфил предлагает некий третий путь, совмещающий в себе социальный и психологический подходы в трактовке понятия социальной идентичности.

В основе теории социальной идентичности Г. Тэджфила лежит теория социальных конфликтов М. Шерифа [25]. В соответствии с последней межгрупповые взаимоотношения могут быть подразделены на соревновательные и кооперативные. Соревновательные отношения, возникающие в процессе получения материальных или символических благ, способны привести к социальным конфликтам. Напротив, объединяющая различные социальные группы общая цель способна породить кооперативные взаимоотношения. По мнению Г. Тэджфила и Дж. Тёрнера, слабой стороной теории М. Шерифа является отсутствие возможности объяснить процессы конструирования и поддержания групповой идентичности, а также невозможность объяснения типов индивидуального поведения людей в процессе их социального взаимодействия. Именно внутри- и межгрупповые типы поведения становятся концептуальными понятиями для Г. Тэджфила и Дж. Тёрнера в разработке их теории социальной идентичности. Ученые исходят из того, что множество социальных взаимоотношений можно представить в виде континуума. Его крайними точками выступают, с одной стороны, внутригрупповые типы отношений, с другой – отношения между социальными группами. Абсолютным выражением *внутригруппового* типа отношений выступают отношения между двумя или несколькими индивидами, строящиеся исключительно на их *личностных отношениях*. Модельным выражением отношений в точке *межгруппового* поведения выступают отношения между двумя и более представителями различных социальных групп, строящиеся на *учете их групповой принадлежности* и не принимающие во внимание их личные отношения друг к другу. Между этими крайними и, в какой-то степени, умозрительными точками располагается множество смешанных типов поведения индивидов, сочетающих в различных пропорциях как их личностные, так и межгрупповые отношения. Данное положение о внутри- и меж- групповых отноше-

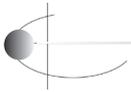

ниях позволило её авторам сформулировать следующий концептуальный вопрос: при каких условиях и в каких ситуациях человек, в большей степени, ведёт себя как отдельный индивид, а в каких – как член социальной группы? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, авторы вводят ряд антиномичных понятий, среди которых центральное место занимают понятия *социальной мобильности и социального изменения*. Под *социальной мобильностью* Г. Тэджфил и Дж. Тёрнер понимают возможность свободного перемещения индивида от одной социальной группы к другой. Подчеркивая личностный потенциал человека, авторы утверждают, что общество не заточает человека раз и навсегда в рамки одной определенной социальной группы. Человек как представитель конкретной социальной группы, обладает свободой перемещения из этой социальной группы в другую. Иными словами, границы социальных групп проницаемы. В противовес понятию социальной мобильности, понятие *социального изменения* определяет общество как иерархизированную структуру. В иерархически организованном обществе границы, существующие между социальными группами, менее проницаемы. Отвечая на сформулированный выше вопрос, авторы теории социальной идентичности констатируют, что человек ведет себя как отдельный индивид, строя свои отношения с другими на личностной основе, в ситуациях внутригруппового взаимодействия. И, наоборот, в ситуациях межгруппового взаимодействия человек ведет себя не как отдельный индивид, а как представитель определенной социальной группы. Иными словами, констатируем, что *целостность когнитивной модели и психосоциального типа поведения, усваиваемые человеком в процессе социализации, определяются напряжением, возникающим между этими двумя точками*. Для объединения людей и образования ими различных социальных групп в качестве оснований могут выступать национальная, языковая, профессиональная принадлежность, общность интересов и взглядов и т. п. Групповая принадлежность человека не только осмысливается рационально, но и переживается эмоционально. Позиционирование человека в зоне внутригрупповых отношений стимулирует его преимущественно бесконфликтный тип поведения, тогда как позиционирование себя в зоне «межгрупповые отношения» увеличивает вероятность конфликтного поведения человека.

Теория культурной идентичности французской исследовательницы Ж. Вэнсонно [29] имеет много общего с представленной выше теорией социальной идентичности Тэджфила-Тёрнера. Основным отправным понятием в теории Ж. Вэнсонно в конструировании концепта культурной идентичности выступает понятие культуры. В концепции Ж. Вэнсонно культура не является некой системой инвариантных форм (язык, религия, личность, общество), или своеобразной «лавкой древностей», а скорее продуктом и ресурсом, потенциалом для осмысления и конструирования себя. Она динамический процесс, предстающий и ощущаемый человеком, прежде всего, как субстрат, «наследство» передаваемое старшими членами общества младшим в ходе первичной аккультурации [29].

Культура как основа идентичности, передаваемая из поколения в поколение, предстает как сложный динамический феномен, укоренённый в историю, но не заточенный в ней. Непрерывное (ре-)конструирование социальными акторами культуры и коллективной истории способно изменить их взгляды на себя, окружающую действительность, события и других акторов. Иначе говоря, идентичность – сложный динамический процесс, направленный на осознание социальным актором себя, окружающего мира и Другого.

Насколько внутренне единой или эклектичной, «диффузной», «размытой» или «выраженной», т. е. имеющей доминантные черты может быть идентичность? Возможна ли вообще «глобальная идентичность»? Обратимся в связи с поставленными вопросами к анализу результатов социологического исследования, проведенного группой бельгийских ученых под руководством Марка Жакмэна в конце 90-х годов [28]. Целью предпринятых опросов выступала установка того, каким образом соотносятся и сочетаются между собой чувства региональной, национальной и европейской идентичности представителями трех основных этнических групп Бельгии: франкофонами, германофонами и нидерландофонами. Результаты исследования показали, что одновременное чувство принадлежности к региональной, национальной и европейской идентичностям присуще в этот период каждой из отмеченных выше этнических групп. Чувство региональной идентичности переживалось интенсивнее других типов идентичности представителями всех трёх языковых групп. Однако при этом, обнаружился и ряд тонких различий. Так, наличие у всех трёх групп

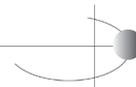
сильного регионального чувства принадлежности (сильной региональной идентичности), обнаруживает, что оно выше у нидерландофонов, чувство национальной принадлежности выше у франкофонов и, наконец, чувство принадлежности к европейской идентичности выше у германофонов.

Проведенные исследования позволяют сформулировать следующую *исследовательскую гипотезу*: конструирование новых моделей идентичности не разрушает ранее усвоенные модели самоидентификации личности. Наличие моделей самоидентификации не конкурируют между собой. В различные периоды интенсивней может переживаться одно какое-то конкретное чувство самоидентификации (один тип идентичности) из всего спектра наличных чувств принадлежности, присущих отдельному индивиду или социальной группе. Активация того или иного типа идентичности, происходит вследствие социально-экономических процессов, происходящих в обществе, и их оценки личностью или социальной группой, а также как результат целенаправленной деятельности заинтересованных в этом общественно-политических институтов и организаций. Сформулированная гипотеза, безусловно, требует дальнейшей доработки и дополнительной проверки на разнородном фактологическом материале. Её проверка для характеристики и оценки динамичных процессов, связанных с языковой идентификацией франкофонов Квебека показывает, что в исторической перспективе эти процессы изменчивы. Так, до 60–70 годов XX столетия безоговорочное равнение на языковую норму Франции и неучёт сложившейся собственной языковой формы французского языка на территории Квебека привело к отрицанию собственной региональной языковой идентичности и рождению языкового комплекса, чувства языковой неуверенности (*insécurité linguistique*). Остро переживаемое населением, оно способствовало в 70-е годы XX века к исключительному признанию лишь своей региональной квебекской языковой нормы, что породило изоляционистские настроения и желание разрабатывать отдельную от французского языкового стандарта Франции форму языка. В дальнейшем, в 90-е годы XX столетия желание избежать маргинализации языка, а также желание интегрироваться в более широкую франкофонную идентичность переживается квебекцами интенсивней. Сегодня одновременная активация двух типов языковой идентичности – региональной (*français québécois*) и международной (*français*

international) – способствовало активному вовлечению квебекцев в разработку общей для всех франкофонов в мире языковой нормы (*français de référence*) при одновременном сохранении своеобразных отличительных черт, свойственных франкофонам Квебека.

Таким образом, идентичность выступает, основой для конструирования и реконструирования социальными акторами себя, других и общества в целом на основе постоянного диалога с другими социальными акторами. Она способствует социализации человека, его «встраиванию» в конкретное общество со всеми его многочисленными знаковыми системами, схемами поведения, символами, культурными текстами, ритуалами.

Приведенные выше подходы к трактовке понятия идентичности, позволяют заключить, что идентичность выступает одновременно и своеобразным механизмом, вписывающим человека в конкретную модель культуры, и знаковой системой, «языком», позволяющим ему интерпретировать и концептуализировать окружающий мир с его другими многочисленными знаковыми подсистемами (прошлыми и настоящими), и ресурсом для конструирования себя и окружающего мира. Отметим, что отличие, инаковость появляются как результат взаимодействия человека с себе подобными. В процессе этого взаимодействия человек категоризирует мир, наделяя его смыслом. Одним из важнейших элементов категоризации выступает *осознание* человеком себя и других в конкретном пространстве и времени. Осознание как психологический процесс и взаимодействие человека, социальной группы со средой возможно лишь как взаимодействие вербализованное, т. е. как коммуникация, диалог. Т. о., помимо внешних ситуативных проявлений, взаимодействие характеризуется для индивида актуальным внутренним содержанием. Именно вербальный характер переводит взаимодействие человека со средой во внутренний план личности. Осознание как психолингвистический процесс и категория основано на выделении и *отграничении* (определение границ) предмета мысли от других предметов мысли [15]. Иными словами, процесс конструирования идентичности, т. е. самоидентификации, продолжающийся в течение всей жизни человека, сопровождается на индивидуально-психологическом уровне процессом определения себя, т. е. *само-отграничения* от других. Коммуникация человека со средой на основе прецедентных и современных, реальных и воображаемых, устных и письменных

текстов, моделей поведения – неотъемлемое условие существования и конструирования идентичности. Вербальные тексты и психологические схемы поведения (включая языковое поведение) характеризуются достаточной устойчивостью и частой воспроизводимостью внутри конкретной социокультурной группы. Некоторые из них приобретают со временем обобщенный стереотипизированный характер. Диверсификация средств коммуникации человека со средой способствует не только интенсификации процессов человеческой коммуникации. Речь идёт, прежде всего, о перестройке когнитивной сферы личности за счёт усвоения новых типов вербализованных структур, культурных текстов и моделей поведения. Они способствуют, в конечном итоге, перестройке психосоциальной сферы личности, сказывающейся на её внутригрупповых и межгрупповых взаимоотношениях.

Т. о., понимание идентичности как процесса, процесса самоидентификации, подчёркивает её динамический, развивающийся во времени когнитивный характер. Процессуальность и динамичность моделей самоидентификации индивида или социальной группы есть важнейшее условие их приспособления к социальной среде. Вместе с тем, как было отмечено выше, психолингвистические процессы осознания и отграничения, лежащие в основе самоидентификации, не позволяют говорить о становлении в настоящее время некоего нового, общего для всех культур, типа гомогенной, диффузной идентичности. Эта же мысль подчёркивается и С. Хантингтоном, который отмечает, что сама идея универсальной цивилизации поверхностна и теоретически не состоятельна, ввиду того, что человечество сегодня разделено – на племена, национальности и более крупные культурные идентичности, именуемые цивилизациями [20]. Справедливым представляется и мнение В. А. Тишкова отмечающего, что понятие «культурное многообразие» мыслится сегодня, в большей степени, как «культурная сво-

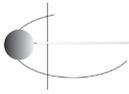
бода», «национальное самоопределение». Они порождают право на «свои» территорию, государственность, язык. Понимаемое таким образом понятие культурной свободы не включает право на культурную сложность и на принадлежность к сложной культуре [18].

Глобализация усиливает как внутригрупповые, так и межгрупповые контакты, и виды социального взаимодействия. Внутригрупповые изменения выступают, чаще всего, в виде изменений, происходящих в рамках отдельных государств и регионов. Их следствием выступают перестановки внутри социальных групп, изменения общественного статуса некоторых из них. В качестве межгрупповых выступают различные типы межгосударственного взаимодействия, способствующие серьёзным геополитическим изменениям, сопряжённым с исчезновением и созданием новых политических, экономических, культурных и языковых групп. Тому свидетельство – произошедшие и происходящие в мире события. Идентичность психосоциальна по своей природе. Психологическая составляющая идентичности позволяет исследовать психические механизмы, лежащие в основе идентификации индивида или социальной группы. Привлекаемые для анализа феномена идентичности психологические категории сознания, поведения, памяти, представления, безусловно, способствуют его более полному научному осмыслению. Вместе с тем, «увлечение» лишь психологической составляющей идентичности способно релятивизировать объективные социальные, культурные и политические факторы, стоящие в основе дифференциации социальных групп, и породить индивидуалистские и интуитивистские теории.

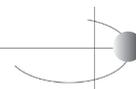
Рассмотренная под таким углом зрения, идентичность онтологична ввиду её направленности на осмысление человеком себя, других, общества. Она также инструментальна в той мере, в которой она предоставляет индивиду необходимые ему средства для адаптации к обществу.

Список литературы

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 200 с.
2. Астафьева О. Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М.: МГИДА, 2002. 295 с.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. 312 с.
4. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция // Политру (сетевое издание), 06.05.2011. URL: <http://www.modernity-centre.org/2011/05/14/bauman-03/> (дата обращения: 23.07.2011).

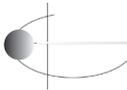

5. Вайнштейн А. Искусство как высший синтез духовности URL: <http://spkurduumov.narod.ru/D50Vanshteyn.htm> (дата обращения: 07.05.2009).
6. Володина Л. В. Проблема глобализации современного общества // Глобализация в социально-философском измерении: сб. материалов конф. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 36–38.
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Академический Проект, 2008. 767 с.
8. Егоров В. С. Глобализация: мировоззренческий аспект проблемы. URL: <http://spkurduumov.narod.ru/D20Egorov.htm/> (дата обращения: 25.09.2010).
9. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 257 с.
10. Каган М. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
11. Ковалев М. Глобализация как социальный феномен. URL: <http://spkurduumov.narod.ru/D31Kovalev.htm> (дата обращения: 25.09.2010).
12. Кузанский Н. Сочинения. В 2-х т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
14. Макарычев А. С. Метафоры регионализма в международно-политическом дискурсе. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus17.htm> (дата обращения: 08.09.2010).
15. Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб., 1992. 200 с.
16. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa, А. А. Тахо-Годи. Сер. «Философское наследие». М.: Мысль, 1990–1994. 1994. Т. 3. 656 с.
17. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
18. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
19. Философия: учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма, 2005. 673 с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. URL: [http://www.gumer.info.Vuks/Polit/Hant/03.php](http://www.gumer.info/Vuks/Polit/Hant/03.php) (дата обращения: 28.02.2008).
21. Хмылев П. Н. Глобализация как социально-философская проблема // Глобализация в социально-философском измерении: сб. материалов конф. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2003. С. 5–22.
22. Хоггарт Р. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. М.: Инфра-М Весь Мир: в 9-ти т. Т. 7: Народы и культуры, 2002. 416 с.
23. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. М., Санкт-Петербург: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
24. Эпштейн М. Н. От многокультурия – к транскультуре // Вестник РФО. 2003. № 3 (27). С. 110–114.
25. Sherif M. In common predicament: Social Psychology of Intergroup conflict and cooperation. Boston: Houghton Mifflin, 1966. P. 143–156.
26. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey (Cal.), 1979. P. 33–47.
27. Tajfel H. La catégorisation sociale // S. Moscovici. Introduction à la psychologie sociale. Vol. 1. P.: Larousse, 1972. P. 272–302.
28. Jacquemain M. Identité et valeurs politiques: quelle homogénéité pour l'Eurégio? // Fédéralisme Régionalisme, Volume 3: 2002–2003 Mobilité et identité dans l'Eurégio Meuse-Rhin // URL: <http://popus.ulg.ac.be/fédéralisme/document.php?id=239> (дата обращения: 21.10.2008).
29. Vinsonneau G. L'Identité culturelle. Paris: Colin, 2002. 342 p.
30. Miura, N. Trois modèles politiques d'intégration au sein de l'espace francophone: quelle viabilité? // Le français, le défi de l'universalité. Actes du XI-e congrès mondial des professeurs de français Atlanta (USA) 19–23 juillet 2004. FIPF, 2005. P. 75–77.

Spisok literatury

1. Arshinov V. I. Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoy nauki. M.: IF RAN, 1999. 200 s.
2. Astaf'eva O. N. Sinergeticheskij podhod k issledovaniju sociokul'turnyh processov: vozmozhnosti i predely. M.: MGIDA, 2002. 295 s.
3. Bauman Z. Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obschestva. M., 2004. 312 s.
4. Bauman Z. Tekuchaja modernost': vzgljad iz 2011 goda. Lekcija // Politru (setevoe izdanie), 06.05.2011. URL: <http://www.modernity-centre.org/2011/05/14/bauman-03/> (data obraschenija: 23.07.2011).
5. Vajnshtejn A. Iskusstvo kak vysshij sintez duhovnosti URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/D50Vanshteyn.htm> (data obraschenija: 07.05.2009).
6. Volodina L. V. Problema globalizacii sovremennogo obschestva // Globalizacija v social'no-filosofskom izmerenii: sb. materialov konf. SPb.: S.-Peterb. filos. obw-vo, 2003. S. 36–38.
7. Gegel' G. V. F. Fenomenologija duha. M.: Akademicheskij Proekt, 2008. 767 s.
8. Egorov V. S. Globalizacija: mirovozzrencheskij aspekt problemy. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/D20Egorov.htm/> (data obraschenija: 25.09.2010).
9. Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. M.: Intrada, 1996. 257 s.
10. Kagan M. Filosofija kul'tury. SPb.: Petropolis, 1996. 416 s.
11. Kovalev M. Globalizacija kak social'nyj fenomen. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/D31Kovalev.htm> (data obraschenija: 25.09.2010).
12. Kuzanskij N. Sochinenija. V 2-h t. M.: Mysl', 1980. T. 2. 471 s.
13. Lotman Ju. M. Semiosfera. SPb: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
14. Makarychev A. S. Metafory regionalizma v mezhdunarodno-politicheskom diskurse. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus17.htm> (data obraschenija: 08.09.2010).
15. Mihajlov V. A. Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitel'noj dejatel'nosti. SPb., 1992. 200 s.
16. Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. / pod obw. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. Ser. «Filosofskoe nasledie». M.: Mysl', 1990–1994. 1994. T. 3. 656 s.
17. Sinergeticheskaja paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve. M.: Progress-Tradicija, 2002. 496 s.
18. Tishkov V. A. Rekviem po jetnosu: Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 s.
19. Filosofija: ucheb. dlja vuzov / pod obw. red. V. V. Mironova. M.: Norma, 2005. 673 s.
20. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. URL: <http://www.gumer.info. Buks/Polit/Hant/03.php> (data obraschenija: 28.02.2008).
21. Hmylev P. N. Globalizacija kak social'no-filosofskaja problema // Globalizacija v social'no-filosofskom izmerenii: sb. materialov konf. SPb.: S.-Peterb. filos. obw-vo, 2003. S. 5–22.
22. Hoggart R. Oksfordskaja illjustrirovannaja jenciklopedija. M.: Infra-M Ves' Mir: v 9-ti t. T. 7: Narody i kul'tury, 2002. 416 s.
23. Horkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosvewenija. M., Sankt-Peterburg: Medium, Juventa, 1997. 312 s.
24. Jepshtejn M. N. Ot mnogokul'turija – k transkul'ture // Vestnik RFO. 2003. № 3 (27). S. 110–114.
25. Sherif M. In common predicament: Social Psychology of Intergroup conflict and cooperation. Boston: Houghton Mifflin, 1966. P. 143–156.
26. Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey (Cal.), 1979. P. 33–47.
27. Tajfel H. La catégorisation sociale // S. Moscovici. Introduction à la psychologie sociale. Vol. 1. P.: Larousse, 1972. P. 272–302.
28. Jacquemain M. Identité et valeurs politiques: quelle homogénéité pour l'Eurégio?

// Fédéralisme Régionalisme, Volume 3: 2002–2003 Mobilité et identité dans l'Eurégio Meuse-Rhin // URL: [http:// popus.ulg.ac.be/fédéralisme/document.php?id=239](http://popus.ulg.ac.be/fédéralisme/document.php?id=239) (data obraschenija: 21.10.2008).

29. Vinsonneau G. L'Identité culturelle. Paris: Colin, 2002. 342 p.

30. Miura, N. Trois modèles politiques d'intégration au sein de l'espace francophone: quelle viabilité? // Le français, le défi de l'universalité .Actes du XI-e congrès mondial des professeurs de français Atlanta (USA) 19–23 juillet 2004. FIPF, 2005. P. 75–77.

Статья поступила в редакцию 13.02.2012.